

правильнымъ; она соединяла романтизмъ содержанія съ классицизмомъ формы».

Въ характеристикѣ Бальзака Брандесъ долженъ былъ бороться не только съ огромными трудностями предмета, но и съ такимъ предшественникомъ, какъ Тэнъ, статья котораго о Бальзакѣ составляетъ настоящий перлъ современной критики. Превзойти Тэна Брандесу не удалось, но подошелъ онъ къ нему весьма близко. Существеннаго разногласія между обоими писателями нѣтъ; для датчанина, какъ и для француза, Бальзакъ—одна изъ самыхъ колоссальныхъ фигуръ XIX-го вѣка. Брандесъ примѣняетъ къ нему чрезвычайно удачно стихи В. Гюго: *«il peignit l'arbre vu du côté des racines, le combat meurtrier des plantes assassines»*. Въ этомъ—главное различіе между Ж. Зандомъ и Бальзакомъ; первая изображаетъ людей, какъ пейзажистъ изображаетъ растенія—съ той стороны, на которую падаетъ свѣтъ и которая выноситъ освѣщеніе; послѣдній углубляется въ область, недоступную для живописи и чуждающуюся свѣта. Другую черту натуры и дарованія Бальзака Брандесъ выясняетъ сравненіемъ его съ Готье. «Готье—писатель первой величины, но, какъ поэтъ, онъ холоденъ, иногда бѣденъ; это талантъ, созданный для живописи или скульптуры и заблудившійся въ область поэзіи. Бальзакъ, на оборотъ, не имѣетъ большого значенія какъ писатель, но достигаетъ громадной вышины, какъ поэтъ. Онъ не можетъ характеризовать свои фигуры немногими мѣткими словами, потому что не видитъ ихъ передъ собою въ одной пластической позѣ. Образы, создаваемые его воображеніемъ, представляются ему не послѣдовательно, а вдругъ, въ самыхъ разнородныхъ видахъ. Передъ нимъ проносятся цѣлая ихъ исторія, онъ наблюдаетъ ихъ въ разныхъ фазисахъ жизни, слышитъ звукъ ихъ голоса, созерцаетъ все богатство ихъ жестовъ и движеній. Иллюстрируется у него фигура не такъ какъ у Готье—однимъ сравненіемъ, можетъ быть, и тонкимъ, но сухимъ; она вся составлена изъ тысячи представленій, безсознательно связанныхъ между собою, разнообразныхъ какъ сама природа, какъ реальный человѣкъ, индивидуальность котораго—своеобразная съѣтъ неисчислимыхъ фізіологическихъ и психологическихъ элементовъ. Справиться съ богатствомъ матеріаловъ, данныхъ памятью и чутьемъ, Бальзаку часто было нелегко. Онъ или хочетъ слишкомъ многое выразить ассоціаціею двухъ-трехъ представленій, только для него самого вполне понятною, или перечисляетъ одно за другимъ всѣ наблюденія, сдѣланныя имъ надъ воображаемымъ